

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

ТРЕБУЕМ НЕСТЕСНЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДУШЕВНОБОЛЬНЫМИ!

— Именем его императорского величества, государя императора Петра Первого, объявляю ревизию сему сумасшедшему дому!

— Вы знаете, где вы?

— Конечно доктор! Я в сумасшедшем доме. Но ведь, если понимаешь, это решительно все равно. Решительно все равно.

Доктор пристально смотрел ему в глаза. Его красивое холеное лицо с превосходно расчесанной золотистой бородой и спокойными голубыми глазами, смотревшими сквозь золотые очки, было неподвижно и непроницаемо. Он наблюдал.

— Что вы так пристально смотрите на меня? Вы не прочтете того, что у меня в душе, — продолжал больной, — а я ясно читаю в вашей! Зачем вы делаете зло? Зачем вы собрали эту толпу несчастных и держите ее здесь?

«В этот яркий красный цветок собралось все зло мира. Он знал, что из мака делается опиум; может быть, эта мысль, разрастаясь и принимая чудовищные формы, заставила его создать страшный фантастический призрак. Цветок в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красив), все слезы, всю желчь человечества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало, — нужно было не дать ему при издыхании излить все свое зло в мир. Поэтому-то он и спрятал его у себя на груди. Он надеялся, что к утру цветок потеряет всю свою силу. Его зло перейдет в его грудь, его душу, и там будет побеждено или победит — тогда сам он погибнет, умрет, но умрет как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор не осмеливался бороться разом со всем злом мира.»

Всеволод Гаршин «Красный цветок»

ГАРШИН Всеволод (2. 2. 1855 — 24. 3. 1888, Петербург) рус. писатель. Род. в дворянской офицерской семье. Соч.: «Красный цветок» (1883). «Надежда Николаевна», «Сказка о жабе и розе», «Лягушка-путешественница» и др. Страдал шизофренией, покончил с собой. Похоронен на Волковом кладбище.

№ 1 1992

Цена в Латвии 50 коп.

ГАЗЕТА СУМАСШЕДШИХ ДЛЯ СУМАСШЕДШИХ

Сергей Ивановский

ВАМПИР, или РАБОЧИЙ ДЕНЬ ПСИХИАТРА

Рассказ

Рабочий день Айзика Мотылевича начался как обычно.

Мы забыли упомянуть, что Айзик Мотылевич не был обычным служащим, и даже не просто врачом. Он трудился на благородном поприще врачевания душевных язв людей, помогал их «адаптации» и «реабилитации», то бишь попросту назывался психиатром. Короче, очень гуманная и нужная профессия. Он явился к 8 утра в ПНД (психоневрологический диспансер), покалывая с медсестрой о том, что Юдифь Соломоковна купила дачу, а Нинель Самуиловна (его коллега) собирается купить машину, и велел пускать в кабинет пациентов, покорно томившихся в коридоре уже лишних 15 минут.

Вошел молодой человек лет 30.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Дима. Ну, как дела, садись. — Айзик Мотылевич подвинулся ближе к пациенту и начал, между делом, изучать зрачки Димы.

— Что тебе беспокоит?

— Вроди память стала хуже...

— Но ты ведь ее не тренируешь!

— Во рту сохнет от таблеток...

— А далеко ли ходить? Взял да попил!

— Еще у меня появились какие-то судороги, причем я заметил, что помогает горячая ванна, вот только воды горячей в доме нет... Не дадите ли каких-нибудь таблеток от этого?

— Ну, ты уж лучше примиванну!

К этому времени Айзик Мотылевич кончил изучать Димин зрачки и пришел к определенному выводу о Димином состоянии, увы, скрытому от Димы и недоступному даже для проницательного взора. Движения Айзика Мотылевича были предельно точны и уверены, голос звучал непоколебимо, мимика лица говорила лишь о спокойной уверенности воле,

силовом поле которой находился сгорбленный, подавленный Дима, или, правильнее, Дмитрий Павлович.

Итак, Айзик Мотылевич принял решение.

...Небольшая пауза.

— Вот что, Дима, тебе надо работать! Все болезни от безделья. Ты здоровый парень! Физически ты ведь здоров?

Дима пытался сформулировать простую мысль, что физическое и психическое здоровье связаны и что...

...Здоров! Ну иди в ЛТМ (лечебно-трудовые мастерские). Там такие же больные люди как ты клеют пакеты, делают прищепки... Вот например, Саша Иванов сходил туда и вернулся такой довольный! Спасибо говорит, что Вы меня туда направили! — Айзик Мотылевич с мечтательным видом откинулся на спинку стула, мысленно смакуя наслаждения от клейки пакетов.

Потом внушительно наклонился к Диме:

— Тебя нужно приучить к труду! Не работают у нас только тунеядцы!

Заметим, что у Димы была вторая (нерабочая) группа инвалидности.

— Вот таблетки ты пьешь, а они ведь денег стоят! Значит (уже слегка расслабившись, но по прежнему внушительно) надо не дурака валять, а стараться отдать долг государству!

Подавленный Дима пошел красными пятнами: в нем бурлило волнение, боящееся самого себя — «как бы, не дай Бог, не выйти наружу!» И он устал, страшно устал от беседы. Но, однако, он вышел из кабинета несогласный, несломленный, хотя и с трясущимися ногами и дикими от загнанной внутрь злости глазами.

— Ну, кто там у нас еще? — осведомился у медсестры Айзик Мотылевич.

Мотылевич совершенно спокойным, выдающим душевную безмятежность голосом.

Вошел старичик.

Банально повторялась предыдущая процедура с некоторыми вариациями. Айзик Мотылевич расспрашивал стариочка, удивляя сквозившей в вопросах дьявольской проницательностью стариочка состояния. Потом, назначив трифтазин, он отпустил стариака. При этом продолжалась, больные следовали один за другим, жалобы были очень разнообразные; внимательно выслушав, Айзик Мотылевич назначал каждому трифтазин и отпускал.

Читатель, естественно, думает, что Айзик Мотылевич все же уставал; ведь он, между прочим, не только беседовал, а беседовал он минут пять, оставшиеся 25 минут индивидуального приема он писал; а писал он, во-первых, что у всех больных шизофренические синдромы, изредка — маниакально-депрессивные, а что во-вторых — это для нас тайна и мы не хотим вратить. Факт лишь, что много-много чего писал!!!

Но читатель ошибается: Айзик Мотылевич, однако, не уставал совсем! Он любил свою работу. После бесед с больными, запуганными, заколотыми, скованными людьми, покорно поддакивающими или пытающимися неумело и взволнованно формулировать протест, он чувствовал необыкновенный прилив сил. Как приятно было подавлять ослабленную болезнью волю пациента или софизмами поставить в тупик его затуманенный таблетками интеллект! Айзик Мотылевич к концу рабочего дня раздувался от забираемой у больных энергии как шар.

— Ну, кажется, — все! — сказал, благодушно и сыто зевнув, Айзик Мотылевич и, сбрав портфель, бодро, с сознанием честно отработанного рабочего дня, направился домой, в семейный уют.